

Неоднократно подмывало меня написать эссе об Александре Ивановиче Люкине, удивительном нижегородском поэте. Я вновь и вновь перечитывал его стихи. Знакомился хоть и с немногочисленными, но, надо сказать, обстоятельными статьями о нём — Н. Барсукова и Л. Безрукова (вышедшими в далёкие 60-70 годы прошлого столетия). С большим интересом изучил работу Л. Калининой о Люкине, опубликованную в Нижнем Новгороде совсем недавно. Это добротная, основанная на глубоком знании жизни Александра Ивановича и его творчестве статья. Читал я и другие интересные материалы, в частности, Н. Симонова. Но почему же у меня всё настойчивее вызревает желание попытаться написать о нём вновь? Меня занимают вопросы: «Что я могу сказать нового, свежего? Что я обнаружил, почувствовал в его строчках — важное и значимое для себя?»

Вроде бы всё уже сказано — и о его самобытном поэтическом таланте, и о чрезвычайно серьёзном его отношении к своему творчеству, об остроте его поэтического взгляда и виртуозном владении простыми деталями.

Слова — «талантливый самородок» — как нельзя точно определяют именно его. Ведь он сам себя создал — «родил» как поэта — само-родок!

И всё же — почему он так сильно притягивает меня, почему я раз за разом перечитываю его строки? Почему его стихи непременно высекают из меня слёзы сопереживания, сопричастности? И дело не в каких-то особых формальных красотах, в неких изысканных новаторских приёмах. Нет, этого у него нет совершенно.

Если уж совсем скрупулёзно оценивать поэтическое мастерство Люкина, то можно заметить у него и большое количество глагольных рифм, местами разорванную ритмику, такие черты, как отсутствие ярких, пышных красок, метафор, эпитетов. Всё, казалось бы, предельно просто. И в то же время, строчки разят меня в самое сердце, возникает ощущение близости, родства с его мироощущением. Большинство его стихотворений заканчиваешь читать с комком в горле, а то и со светлой слезой. Кажется мне тогда, что всё, о чём он пишет так сдержанно, но и так проникновенно, я уже видел, я это чувствовал. Я узнаю этих людей — лирических героев его поэзии. Это моя родня — отец и мать, бабушки и дедушки, мои дяди и тётки, окружение.

ОТЕЦ

*Он пахнет дымом,
Маслом и железом,
Он кажется и сам
Железным вдруг:*

*Когда детишки
на руки ползут,
То ясно чувствуют
Железо руж.*

Но он для них
Единственный на свете.
И что жестки ладони —
Ничего.

Он очень ласков.
И рождаются дети
От несказанной
Нежности его.

Образы этих скромных, застенчивых, как принято почему-то говорить — «простых» людей — поразительно точны у Люкина, узнаваемы. Мы сами их видели — те, кто жили в прошлом столетии.

ПАМЯТНИК

Он век трудился, устали не зная,
Век хлопотал в цеху, у верстака.
А если бы ему судьба такая, —
Что памятник отлили б на века?

Стоял бы он,
Стеснялся бы кого-то,
Большой,
Сутулый,
Воплощенный в медь,
И руки, отнятые от работы,
Так и не знал, куда бы деть.

Эти люди знают цену плодотворному труду — рабочему и крестьянскому. Они обладают чувствами высокой ответственности и долга, с одной стороны, скромностью, но и основательными чувством собственно-го достоинства с другой.

***

Кто видел солнце
В час его восхода?
Его мой друг
Из синего тумана
За корпусами
нашего завода
В час утренний
Вытягивает краном.

Оно огромно
И чуть-чуть помято,
Гигантский шар
Из раскалённой стали.

Его, пожалуй,
Мастера ребята
У нас в кузнечном
Ночью отковали.

Я верю в них,
Они такое могут.
Огромное,
Подвесили на крюке,
Попятились.
Помедлили немного
И вот о фартук
Вытирают руки.

Эти люди не избалованы жизнью, но умеют её ценить, они часто бедны материально, но как они богаты духовно! Вот как пишет А.И. Люкин об этом в стихотворении «Проводы в жизнь»:

Мать,
Провожая сына в дальний путь,
Хотела лишь
В глаза ему взглянуть,
Хотела лишь
Рукою помахать,
И зарыдала слабенькая мать.

Отец стоял суров,
Широк в плечах, —
Звон наковальни слышится в плечах,

Он говорил: — Смотри,
Не осрамись!
В беде не плачь
Тебе не мама жизнь.

А счастье сыщешь на краю земли,
Его с друзьями вместе раздели...
И сын,
На мать похожий так с лица,
Ушёл суровой поступью отца.

Со скупой, но огромной симпатией пишет об этих людях Александр Иванович, потому что... он — сам такой! Он плоть от плоти их, он — наследник их врождённой глубокой нравственности, целомудрия, удивительного трудолюбия и искреннего уважения к нелёгкому рабоче-крестьянскому труду. Он и любит их так — не изысканно-страстно, а предельно уважительно, а в женских образах — любовно-жалостливо; он наполнен той самой «жалостью», о которой и пишут, и поют на Руси.

СЧАСТЬЕ

*На всю семью она стирала,
На всю семью она варила,
И если тяжело бывало,
То никому не говорила.*

*Сама что приходилось ела,
Других накормит —
И гордилась,*

*Благодарят —
Она краснела,
Дают подарок ей —
Стыдилась.*

*И если чем поможет детям,
То просветлеет от участия.
Бывает же на белом свете
Красивое такое счастье!*

Или вот ещё трогательное стихотворение о такой узнаваемой русской женщине.

ГОРЕ

*Орденом наградили,
Почёт и слава.
Идём с фотографом.
Но, увидав нас,
Она,
Доярка
Мякинина Клава,
Спряталась.
В платок*

*Рябое лицо уткнула
И плачет, плачет
Навсхлип,
Навзрыд.
— Да что ты, Клава?
И чуть продохнула:
— Не красивая, —
Говорит.*

А есть ещё «Мадонна с молоком» и много других таких же стихов. В героинях А.И. Люкина я узнаю моих не умевших писать, но мудрых и чистых душою бабушек Федору и Пелагею, умевших с достоинством переносить тяготы жизни, нужду и несчастья, — с мудростью, терпением и неистребимым чувством долга.

*Во вторую смену
Встала утром,
Убрала кровать,
На базар сходила,
Щи сварила,
Собрала дочурку
Погулять,
Напоила всех
И накормила.*

*Разогнула
Спину от полов,
Поглядела
На часы тревожно.
«Слава те... —
Подумала без слов. —
Вот теперь
И на работу можно».*

Узнаю я отчётливо и в Александре Ивановиче, и в его отце своего отца — крестьянского сына с Украины с одним классом церковно-приходской школы — сумевшего самостоятельно, настырным трудом пробить себе достойную большого уважения дорогу в жизни. С моим отцом не было смысла спорить или даже не согласиться, когда он строго и сурово размышлял о каком-то событии, явлении, человеке, настолько мудро и прозорливо он рассуждал. Вот эту неброскую, сдержанную, но истинно народную, веками воспитываемую поколениями предков — мудрость ощущаю я и у А.И. Люкина и в его лирических героях.

Немало в России мастеровитых поэтов и старшего, и молодого поколений, но такого трепетного, глубоко прочувствованного, выразительно-

точного и уважительно выписанного образа трудового человека — рабочего и крестьянина, как и у А.И. Люкина, я не встречал ни у кого.

СТРОИТЕЛИ ДОРОГ

*Утром,
Камень дробя, состязались,
Всё забыв,
И под яростный стук
Им большие кувалды казались
Продолжением собственных рук.*

*А когда отдохнуть захотели
И плелись покурить у реки,
То до самых коленок висели
Их пудовые кулаки.*

А что уж говорить о нынешних поэтах! При всех достоинствах их технического мастерства (если таковые у кого-то имеются) большинство из них, за редким исключением, погрязли в мелкотемье, в поэтических штампах, в самокопании.

И вот — эта глыбища — Александр Иванович Люкин!

Кроме уважительных, серьёзных тем о крестьянском и рабочем труде, другая важнейшая тема его поэзии — тема войны, которую он испытал рядовым солдатом. Люкин, как никто, писал о военных солдатских событиях и впечатлениях такие пронзительные и бьющие в сердце строки, как «Фронтная дружба», «Если это забуду», и многие другие.

*Говорят, что с фронта он пришёл
Хмурый, неприступный и тревожный:
Только тронь — взрывается как тол.
Мол, с таким работать невозможно.*

*Больно уж в суждениях быстры.
Мы то ведь на фронте тоже были
И из тола делали костры
И спокойно валенки сушили.*

Или замечательное стихотворение об отце — И.В. Люкине.

БЫВШИЙ МИНЁР

*Ошибся он.
Он был минёром.
Но нет,
Он и сегодня жив.
Порой сидит,
Глаза смежив,
И вдруг,
Залязгают моторы,*

*И танки на него помчатся,
Раздастся взрыв —
И меркнет свет...
А у руки,
Которой нет,
Несносно
Чешутся два пальца.*

Александр Иванович умел находить не высокопарные, а удивительно точные слова и образы, касаясь деликатной человеческой темы любви, нередко со своим особенно тонким чувством юмора.

*И в моей
Двадцатипятилетней любви
Попадают взблески.
Тем и знать мне дано,
Что любовь
Средь житейских забот не пропала.*

*Если я возвращаюсь
Из трудной
И очень далёкой поездки,
То жена всё глядит на меня,
Всё глядит,
А потом...
Разрешает курить где попало.*

И о женских судьбах — с душевной болью, пронзительно.

КРАСАВИЦА

*Шла с ведёрком
из крайнего дома, бывало.
Каждый видел в посёлке
Красавицу эту не раз.
Всем, кто слышал её,
Звонких песен хватало,
Всем хватало весны
В синеве её глаз.*

*Не пройти стороной,
Разминуться немислимо взглядом, —
Как манил и тревожил
Души её нежный огонь.*

*Оттого-то однажды
И встал с ней на улице рядом
Кто-то жадный и строгий
И крикнул всем прочим: — Не тронь!*

*Стал ревниво за ней он
Доглядывать в разные щёлки,
Запретил он шутить
И смеяться жене молодой...
И не стало красавицы
В нашем притихшем посёлке,
Лишь ещё одна баба,
Сутулясь, проходит с водой.*

О творческой манере, поэтическом мастерстве А.И. Люкина, его необычайном упорстве в поиске образа, рифмы, строки другие, уважаемые критики написали достаточно. Я хочу лишь отметить одну значительную, характерную особенность поэзии А.И. Люкина, свидетельствующую о его незаурядном мастерстве. Это поразительное умение в конце стихотворения находить такие «ударные» строки, которые-то и вызывают взрыв эмоций и комок в горле. Иногда они очень серьёзные, иногда подаются с тонкой иронией и юмором, но всегда — ударно эмоциональны.

*Ах, как мы много голоду
Испытываем смолоду.
Морковь едим,
Щавель едим,
Ещё чего поест глядим.
Жадны, как черви, до кино —
Глядим любое, все равно.
Вихрастые мальчишки,
Вовсю глотаем книжки.*

*На сцене что ни ставится,
Нам до упаду нравится.
И только к старости зато
Нам всё на свете — ересь:
Щавель — не то,
Морковь — не то,
Любовь — не то...
Наелись.*

Ну а теперь — немного о нём для тех, кто не знаком с его творчеством. Александр Иванович Люкин родился 29 марта 1919 года в деревне Шковёрка Княгининского уезда Нижегородской губернии в обычной небогатой крестьянской семье. Суровый трудяга-отец, работящая любящая мать, семь братьев и сестёр. А Саша — старший из них. И, значит, сам постоянно в трудах, впитывая от родителей их трудовые и нравственные уроки.

С какой любовью-жалостью и с каким уважением А.И. Люкин впоследствии вспоминал в своей поэзии маму.

*В родном дому
Вставала мама тёмно, тёмно,
Стучали тихо чугулки,
Потрескивала чуть солома,
Для топки взятая в пучки.*

*Глядишь, уже и рассветало,
И тесто караваем стало,
А у неё дела, дела...*

*В углу в квашне пытело тесто,
И слушалось коровье «му»...
И было от того «оркестра»
Уютно и тепло в дому.*

*И мы по глупости едва ли
Тогда хоть сколько знать желали,
Спала она иль не спала.*

С какой доброй усмешкой описывает Александр Иванович своё трудовое крестьянское детство и отрочество в стихотворении «Король». Какой искренний «Сыновний поклон» отвечает он своему суровому, но заботливому отцу.

*Сыновний поклон
За то, что мы строим,
За то, что мы пишем,
За то, что мы к звёздам
Подняться смогли,
За то, что живём мы,
И любим, и дышим —
Отцовскому хлебу
Поклон до земли.*

*Отцовской рубашке,
Пропитанной потом,
Отцовской сохе
И гнедому коню,
Отцовским трезогам,
Отцовским заботам
И даже отцовскому
С пряжкой ремню.*

Неутомимо трудясь на крестьянском своём поприще, Саша в то же время жадно тянулся к знаниям. Когда отец не отпустил его учиться в семилетней школе, Саша упрямо записался туда сам. А окончив её в 1934 году, он, вопреки воле отца, видевшего в нём своего помощника в нелёгком крестьянском труде, настоял в 1936 году отпустить его в Нижний Новгород учиться рабочему ремеслу, жизни. Но уроки жизни отца и матери он помнил всегда.

САМ

*Мне отец не покупал игрушек,
Он на ветер денег не бросал.
Он, бывало, надерёт мне уши
И сердито скажет:
— Делай сам.
Это «сам» я и запомнил свято,
Как житейской мудрости закон.
Позже с нашей улицы ребята
Поняли, что в этом я силён.
Сам я змея из бумаги клеил,
Лапти плёл,
Пастуший кнут свивал.
Если попадало мне по шее,
Сам любому сдачи я давал.*

*Сам уехал от отца я в город,
Жил трудом,
Не верю чудесам.
И когда нужда брала за ворот,
С ней я расправлялся
Тоже сам.
Даже в горевых
Словесных муках,
Где строка
Рождается не вдруг,
Служит мне
Отцовская наука —
Хлеб и соль
Других земных наук.*

В Нижнем Новгороде (Горьком) до войны Саша осваивал рабочие профессии на заводах Сормова, жадно учился жизни в рабочем коллективе. В 1942 г. ушёл на фронт, пройдя сначала десантником, а потом рядовым-минёром по трудным дорогам войны. Окончив военную службу в 1947 году, он вновь вернулся на завод. И вот тогда Александр начал писать стихи.

Вообще-то, стихи Саша пробовал писать ещё в пятом классе, а затем тайно, потихоньку — и на заводе, и на фронте. Это была «проба пера».

Его первое настоящее стихотворение было опубликовано в 1949 году в заводской многотиражке. Участвуя в литературном кружке своего завода, Александр продолжал совершенствовать своё поэтическое мастерство, искать точность образа, силу строки. Не скоро, но его заметили.

В 1957 году Александр Иванович был приглашён участвовать в заседании оргкомитета Союза писателей РСФСР, где он был отмечен маститыми М. Светловым, А. Жаровым и другими. А в 1958 году вышла первая небольшая книга его стихов «Мои знакомые». И уже вскоре (в 1961 г.), он был принят в Союз писателей СССР, замечен критикой, был направлен в Москву на высшие Литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Два года учёбы и новая, уже значительная книга стихов «Жизнь» (1963 г.), затем «Беспокойство» (1965 г.), «Судьбы» (1966 г.), которые сделали его известным, читаемым поэтом, названным, в конце жизни, «лучшим поэтом Волги».

Это был заслуженный успех. Александр Иванович относился к своему творчеству, к своему поэтическому труду так же, как к нелёгкому труду рабоче-крестьянскому — с высокой ответственностью и тщательностью, с глубоким ощущением чувства долга перед теми, о ком и для кого он

писал, не допуская малейшего брака. Этому он учил и своих учеников из литобъединения «Волга», которым довелось ему руководить.

Размышляя о судьбе Александра Ивановича Люкина, я припомнил, что существует такой стереотип. Иногда о человеке говорят: он вышел из рабочей семьи, или — он вышел из крестьян и т.п. И это подходит ко многим. Например, к Есенину — вышел из крестьянства. А можно ли, используя этот стереотип, сказать о Люкине, что он вышел из рабоче-крестьянской среды? Нет, не подходит это выражение к нему! Он не вышел из этой среды, он в ней находился, он в ней жил и он в ней остался! Не вышел!!

По своему мировоззрению, мироощущению, по своему жизненному опыту Люкин оставался русским крестьянином, русским рабочим, русским рядовым солдатом. И в этом — его и наше, почитателей его таланта, счастье.

Рабочие и крестьяне России — это десятки миллионов людей, составляющие не только основную массу населения, но и нравственный костяк нашей страны. Их руками и умом создаётся национальное богатство — от хлебной нивы до громад космических кораблей. Эти люди как бы исчезли сейчас из поля зрения писателей и поэтов, журналистов и людей искусства. Эту пустоту мы ощущаем. Рабоче-крестьянские профессии сегодня — немодные. Молодёжь их избегает. Как же за это стыдно! Тем более надо знать и ценить замечательную поэзию Александра Ивановича Люкина.

Жизнь А.И. Люкина трагически оборвалась в 1968 году. Ему не было ещё и пятидесяти лет. Названные выше четыре книги и две, вскоре посмертно изданные — «Раздумья» (1969 г.) и «За хлеб, за соль» (1970 г.) — небольшой, в сущности, поэтический багаж. Но он сделал Александра Ивановича Люкина заметным, любимым русским поэтом со своим совершенно самобытным народным языком, с ярко-узнаваемой поэтической манерой, проникнутой глубоким уважением и любовью к его лирическому герою — трудовому человеку — главной нравственной и трудовой силе нашего народа, о чём сегодня, к прискорбному сожалению, уже забыто. И ещё — в его поэзии звучит безусловная правда.

Хотелось бы, чтобы читатель ещё раз обратился к поэзии А.И. Люкина, распробовав поэтическое чудо его творчества. Особенно в преддверии двух знаменательных дат — столетия со дня рождения (2019 г.) и трагического юбилея — 50-летия со дня гибели (2018 г.).